

Эмма Рудкевич

ВЛАСТНЫЙ ШЕФ.
Я верну тебе
вкус жизни!

Эмма Рудкевич

**Властный шеф. Я
верну тебе вкус жизни!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Властный шеф. Я верну тебе вкус жизни! / Э. Рудкевич —
«Автор», 2026

На глазах у всей академии знаменитый шеф выбросил моё блюдо в мусорное ведро.— Твоё место на помойке, Соколова! Я приехала учиться в элитную кулинарную академию «Гордон Блю», но Дамир Гросс решил превратить мою жизнь в ад. Заставлял мыть полы зубной щёткой, лишал нормальных инструментов и угрожал отчислением. А богатая однокурсница подставила меня под обвинение в отравлении! Но я узнала секрет жестокого шефа: после старой травмы он почти перестал чувствовать запахи. Теперь только мои блюда способны вернуть ему забытые ощущения. Смогу ли я растопить его ледяное сердце? И не потеряю ли собственное, когда он наконец попробует мою любовь?

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эмма Рудкевич

Властный шеф. Я верну тебе вкус жизни!

Глава 1

В «Гордон Блю» даже жареный лук пахнет дорого. Масло, карамель, чистая медь над плитами — к ним я привыкла за месяц. А к своему фартуку нет: затягиваю завязки, он собируется складками на животе и всё равно мешает. Под ним мокрая майка. До подачи ещё двадцать минут, и мне нельзя сейчас вспоминать ни ночную уборку, ни сдачу, которую я считала у кассы, покупая эту курицу.

Левой ладонью придерживаю запястье, чтобы не испортить соусом ровный край тарелки. Конфи из куриной грудки, ферментированный чеснок, крошка обугленного хлеба. Дома мама спросила бы, где остальная курица. Я пробовала разные корочки три ночи, пока не получила хруст, который не забивал нежное мясо. Если за это дадут высокий балл, стипендия останется. Тогда можно будет хотя бы неделю готовить, не подсчитывая стоимость каждой пробы.

— Ты мешаешь свету, — голос звучит слева, сладкий, как испорченный мед.

Кристина Валберг идёт так близко, что я отодвигаю доску. Поздно: она задевает бутылку локтем. Масло течёт со столешницы на фартук, и я успеваю только убрать тарелку. На этикетке Extra Virgin; вчера такой же бутылки мне не хватило на кассе. Теперь половина её содержимого впитывается в дорогую казённую ткань, за которую с нас берут залог.

Зал замирает. Кто-то хихикает. Кристина останавливается, поправляет безупречную прядь волос и улыбается уголками губ. — Ой. Прости. У тебя такой... домашний вид. Я думала, ты тут для атмосферы бедности, а не для готовки.

Пятно расползается до кармана. Можно схватить Кристину за эту прядь, которую она поправляет второй раз. Очень даже можно. Только моя тарелка ещё без соуса, а её уже стоит на выдаче. Я прикусываю губу и тянусь к полотенцу; пусть смеётся, пока не устала.

Я молча промокаю фартук полотенцем, бросаю его в бак для стирки и мою руки. Тру их дольше, чем нужно: иначе повернусь и вцеплюсь в Кристину прядь. Потом возвращаюсь к соусу. Шум блендера заглушает её смешок. Качество еды важнее чистоты одежды. Запомни это, Лера.

Через двадцать минут появляется он.

С появлением Дамира даже блендер у соседней станции выключают раньше времени. По этому внезапному затишью я узнаю его, не оборачиваясь. Поднимаю голову, когда белый рукав оказывается рядом с моей доской. На кителе ни пятнышка; хочется прижать к нему свой промасленный фартук. Сам он смотрит вниз, и мне приходится запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним глазами.

Он останавливается у моей станции. Я уже повернула тарелку, чтобы показать корку, а он разглядывает промасленный карман. — Объясни концепцию, Соколова. Почему здесь хаос? Подтягиваю фартук. Пятно от этого не исчезает, зато край больше не касается доски.

Его тон ровный, скучающий. Как будто я муха, которая села на его обед. — Реваншизм через текстуру, шеф, — говорю я быстро, боясь, что голос сорвется. — Контраст мягкого белка и грубой корки символизирует... — Символизирует нищету, — перебивает он. Холодно. Без злости. Просто констатация факта. — Твой вкус — это код доступа для тех, кто ест в столовых при общежитиях. А здесь элита, Лера. Здесь платят за предсказуемость.

За месяц он успел узнать, кто оплачивает мне учёбу, почему я опаздываю по утрам и откуда пахнет хлоркой моя куртка. Спросил однажды при всех — теперь пользуется. Я направ-

ляю ладони под край фартука, чтобы он не видел пальцев. Тарелку ещё не попробовал, а столовую при общезитии уже приплёл.

— Вкус не имеет кода доступа, шеф, — выпаливаю я прежде, чем успеваю заткнуть рот.

Он задерживается у моего стола. За его спиной Кристина перестаёт улыбаться: наверное, ждёт, что меня сейчас отправят за дверь. Я сама жду. Но Дамир только сдвигает мою тарелку ближе к свету и смотрит на края. — Посмотрим, — говорит он и уходит. Я выдыхаю на соус. Хорошо, хоть не чихнула.

В дегустационном зале я прежде всего замечаю свечи. Ужин с таким освещением стоил бы мне месяца работы, но здесь свечи горят даже днём. Нас выстроили перед чёрным длинным столом. Декан разговаривает с приглашённым критиком; Дамир уже взял приборы, хотя подачу ещё не начали. Я переставляю вес с ноги на ногу и стараюсь не задеть соседа локтем.

Он сидит посередине, скучая. Ему скучно уже сейчас.

У моей тарелки широкий край. Обычно держу за него уверенно, а сейчас перехватываю обеими руками, чтобы не уронить на пол. На таком расстоянии уже слышно, как декан дышит носом. Ставлю блюдо перед Дамиром, немного разворачиваю: корка должна первой оказаться у ложки. Он следит за этим движением. Я отступаю на полшага.

Дамир сдвигает корку ложкой, берёт мясо вместе с соусом. Не тот первый укус, который я рассчитывала ему дать. Пока он жуёт, я смотрю на оставшееся углубление в соусе и хочу спросить, почему не взял хлеб. Он глотает, кладёт прибор на край. Теперь поздно объяснять: мог решить, что я учу его есть.

— Мусор, — произносит он.

Я жду продолжения. Слишком солёное? Горькое? Какая-нибудь ошибка, которую можно исправить к следующей пробе. Он больше ничего не говорит. Только это короткое слово, после которого спрашивать уже стыдно.

Студенты замирают. Декан кашляет. Кристина, сидящая напротив, прячет улыбку в бокал с водой.

Дамир поднимает руку, и официант тут же забирает мою тарелку. Не на стол судей. Прямо в мусорное ведро, стоящее рядом со сценой. Грохот фарфора о край ведра разносится по залу. — Следующий, — командует он, даже не глядя на меня.

Я успеваю увидеть ложку соуса на борту, прежде чем официант опускает блюдо в ведро. В грудь будто ткнули пальцем — не сильно, но так, что нельзя вдохнуть. Вот и весь месяц. Мои ночные пробы, занятые у соседки деньги, мамин звонок с вопросом, хорошо ли меня кормят. Дамир уже смотрит на следующего студента.

Кристина наклоняется к подруге. До меня долетает «сейчас убежит». Я вижу дверь слева от судейского стола. Два шага, ещё несколько — и можно заплакать там, где никто не снимает. Только тарелка останется в ведре. Мне почему-то невыносимо именно это.

Я делаю шаг вперед.

За спиной шепчут «сумасшедшая». Я поворачиваюсь, не успеваю разобрать, кто сказал: все смотрят перед собой. Ладно, это можно будет выяснить позже. Сейчас я иду к ведру. Официант придерживает крышку — наверное, думает, что я хочу забрать тарелку для мойки.

Ведро стоит возле судейского стола. Наклоняюсь, отодвигаю крышку и беру тарелку за бортик. Краем она придавила винную салфетку; дно легло поверх остатков чужого блюда. Я держу её подальше от фартука. На верхнем краю ещё соус. Никому бы его теперь не предложила, даже Кристине. Но сама попробую — если после всех ночных проб ошиблась, хоть узнаю.

Из кармана фартука я достаю свою личную ложку. Старую, погнутую, с надписью «Сделано в СССР». Нарушение правил кухни номер один: никакой своей посуды. Никаких личных предметов. Только стерильность.

На борту хватает соуса для одного укуса. Я подбираю его своей ложкой. Из ведра пахнет вином, и на секунду сомневаюсь: не перебьёт ли оно всё остальное? Потом поднимаю тарелку выше, смотрю на Дамира. Весь этот разговор про нищету он вёл со мной. Продолжим.

Дамир пока не зовёт охрану. Я стою прямо перед его местом, настолько близко, что вижу мокрый след от стакана на столе. Он переводит взгляд с моей ложки на лицо. Взять слова обратно мне не предлагает — я и не собираюсь.

Пробую. Чеснок остался таким, каким я его задумала: сначала сладковатый, потом резкий; от корки на языке горчит. Может быть, резкости многовато. Это я исправлю, если дадут ещё одну смену. Но сейчас не выплёвываю и не отворачиваюсь. Дамир должен видеть, что свою еду я могу съесть сама.

Вынимаю ложку и облизываю соус с губ. — Вы ошиблись в рецепте, шеф, — мой голос тихий, но каждый в зале слышит его. — Это не мусор. Это ваш страх.

У соседнего стола кто-то задевает бокал. Вода разливается, и официант уже тянется с салфеткой, пока я всё ещё держу тарелку. Люблю такие простые задачи: видно, что убрать и чем. С Дамиром даже после ответа ничего не видно.

Дамир кладёт ладонь на стол. Пальцы сначала раздвинуты, потом он убирает большой под остальные. Мне кажется, хочет встать, но остаётся на месте. — Самовольное использование инвентаря. Нарушение субординации. Публичное оскорбление преподавательского состава. Три пункта он произносит с паузами. Я не успеваю вставить ни слова про собственную ложку.

— Страх тоже нельзя съесть ложкой, если рот закрыт, — пародирую я его логику, бросая ложку на пол. Металл звенит о плитку. Ложка откатывается к стене. Уходя из зала, я подбираю её и заворачиваю в салфетку. Эту ещё придётся отмыть.

Глава 2

Кабинет декана Пахомова пахнет пылью и старыми деньгами.

Стараюсь не шевелиться: стул скрипит каждый раз, когда я поправляю спину. Декан Пахомов промокает шею салфеткой, потом кладёт её на стол возле бумаги. У меня под воротником тоже мокро, но мне никто салфетку не предложит. Кристина устроилась сбоку в кресле и что-то показывает секретарю в телефоне. Если там видео из зала, она выбрала хороший ракурс для своей улыбки.

— Лера, — декан вздыхает, листая бумагу. — Правила академии «Гордон Блю» строги. Особенно для стипендиатов. Ваше поведение было... неприемлемым. Агрессивным. Непрофессиональным.

— Я доказала правоту своего вкуса, — начинаю я.

— Вы доказали свою неадекватность, — перебивает Кристина, не поднимая головы от телефона. — Мусор в ведре — это метафора вашей жизни, Соколова. Или нет? Может, вам понравилось есть из помойки?

Меня корбит. Но я молчу. Декан поднимает палец. — Дисциплинарное отчисление. Стипендия аннулируется с этого момента. У вас есть час, чтобы собрать вещи и покинуть территорию кампуса. Охрана будет ждать у главных ворот.

Я смотрю на бумагу у декана. Там должны быть моё имя и подпись человека, который решит, останется ли у меня кровать сегодня ночью. Он прикрывает лист рукой. Денег на обратный билет нет; маме я вчера сказала, что всё хорошо. На языке вертится «можно хотя бы до утра?», и я не могу заставить себя произнести это при Кристине.

Я встаю. Колени слабые. — Мне нечего собирать, кроме позора, — говорю я и выхожу.

За дверью декана я наконец снимаю одну туфлю и поправляю сбившийся носок. Нога затекла, пока сидела на скрипучем стуле. Из кабинета слышно, как Кристина смеётся. Надеваю туфлю обратно и иду к выходу: ещё пара шагов, и её голос перестану слышать.

Никита Орлов ждет меня у выхода из корпуса. Тихий парень с мукой на руках. Он всегда выглядит так, будто извиняется за то, что занимает место. — Лера, — он бледнеет, увидев мое лицо. — Я слышал.

— Поздравляю, теперь у нас общий враг, — пытаюсь я пошутить, но голос дрожит.

— Слушай, — он хватается меня за локоть, его пальцы теплые, сухие. — У нас есть подсобка в кондитерском цехе. Там темно, там камеры не работают из-за ремонта. Если подождешь до полуночи, охрана сменится, и мы сможем незаметно вывести твои вещи. Я могу...

— Никита, — я вырываю руку. — Я не преступница. Я повар. Повара не прячутся в подсобках.

Никита хочет что-то добавить, но сперва разглядывает мой фартук. Я прикрываю пятно рюкзаком, хотя прятать теперь уже нечего. — Ты останешься на улице, Лера. Зимой. С паспортом и без денег — тоже не курорт. Это я знаю. Мне было бы легче, если бы он сказал что-нибудь, чего я не знаю.

— Тогда пусть этот мир замерзнет вместе со мной, — отвечаю я и иду дальше. К раздевалке. Чтобы взять куртку. Чтобы уйти.

И тогда я вижу его.

Дамир Гросс стоит в конце коридора. В тени. Он не уходит домой. Он наблюдает. Его лицо скрыто полумраком, но я чувствую этот взгляд физически, как лазерную точку на лбу.

Дамир смотрит на меня дольше, чем на лестницу и выход. Не улыбается. Я тоже перестаю двигаться: уйти мимо него или дожждаться, пока он скажет что-нибудь ещё? Ненавижу, что мне нужен ответ от человека, выбросившего мой ужин.

Он достает телефон. Прижимает трубку к уху. Даже отсюда, через весь коридор, я вижу, как его губы двигаются.

— Не выписывайте её сегодня, — слышу я его голос, низкий, бархатный яд. — Пусть останется на ночь. В комнате без отопления. Я хочу посмотреть, как она справляется с голодом без своей гордости.

Я всё слышала. Комната без отопления — не оговорка, он повторяет её в трубку. Прижимаю ладони к карманам фартука. Остаться мне необходимо, и он это знает. Но просить его о тёплой комнате сейчас не буду.

Дамир кладет телефон в карман. Посылает мне последний взгляд — короткий, как удар ножом. И исчезает за углом.

В коридоре становится слышно окно: рама постукивает от ветра. Закрываю его. Странно, что самое простое движение за этот день получается сразу, без замечаний шефа. На запястье остаётся пыль с подоконника. Надо забрать куртку, найти комнату и позвонить маме. На звонок пока не хватает голоса.

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от неизвестного номера.

«Завтра в 6 утра. Приходи с чистой совестью и грязными руками. И захвати ту самую ложку. — Д.Г.»

В шесть утра я нашла Дамира в заготовочном цехе. На столе уже лежало распоряжение: отчисление приостановлено, стипендия заморожена, общежитие — до конца испытательного срока. Подпись декана. Значит, вчерашний час на сборы закончился вот этим. На столе лежал нож. Тупой, ржавый, с лезвием, покрытым бурыми пятнами окисленного металла. Это был инструмент для чистки картошки из школьной столовой, а не для студентки кулинарного колледжа «Гордон Блю». Дамир Гросс забрал мой личный набор, оставив мне это дерьмо в качестве единственного оружия против его тирании.

Ржавчину пришлось оттереть, прежде чем я добралась до заточки. От моющего средства щипало трещинки на пальцах. В подсобке нашёлся камень, но ни подставки, ни инструкции: пробовала угол, прислушивалась к звуку. Нож цеплял поверхность. Я выдохнула, поставила ноги шире и повела ещё раз — медленнее. Дамир мог отнять мой набор; тупым этим лезвием работать я не стану.

Лезвие скользнуло. Боль была острой, горячей, мгновенной. С пальца сорвалась капля крови и попала на фартук. Я зажала порез чистой салфеткой, нашла в аптечке пластырь, вымыла нож и доску. Я не вскрикнула. Только сжала зубы так, что заныли десны. Пробный ломтик помидора вышел тонким и целым. Я положила его на ладонь, посмотрела сквозь него на лампу. Хоть это у меня не отняли.

Я уже разложила овощи по кучкам, когда вошла Кристина. У неё на рукаве даже воды не было — где она вообще готовила? Поправила воротник, задержалась возле репы. Я прикрыла ладонью морковь, но за двумя досками сразу не уследишь.

— О, Лера, — её голос был сладким, как просроченный карамельный соус. — Ты еще здесь? Я думала, ты уже плачешь в туалете.

Она сделала вид, что споткнулась о край стула. Банка с демигласом полетела прямо на мои овощи. Густая, темная жидкость залила белую репу, превратив мою работу в размытое пятно.

— Ай! Неудача, — она улыбнулась, глядя на разрушение. — Акт милосердия. Тебе же нужно больше практики в уборке, правда?

Белая репа исчезла под тёмным соусом. Час работы — и опять в ведро. Я смотрела на край банки: она оставила на столе круглый след и даже не подумала вытереть. — В следующий раз, Крис, — сказала я, — отнесу эту банку декану. Вместе с записью камеры. Улыбайся в неё, а не мне.

Она быстро посмотрела в угол под потолком. Камера там действительно была, только я не знала, работает ли. Улыбка вернулась, но отвечать Кристина не стала. Когда дверь закрылась, я протёрла её круг на столе. Потом ещё раз. Испорченные овощи ссыпала в ведро, а до оставшейся половины репы не дотронулась, пока не перестали дрожать пальцы.

Я заметила Дамира по отражению в металлической миске. Стоял за спиной, хотя я не слышала, как он вошёл. Вытерла руки о фартук и отодвинула нож рукоятью к нему. — Нож, — сказал он. Вот именно. На овощи и пустую банку он даже не посмотрел.

Я повернулась. Лезвие моего самодельного оружия блестело в тусклом свете лампы. На пальце белел пластырь. — Тупые инструменты — это преступление против еды, шеф, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. В его серых радужках отражалось мое лицо: бледное, с синяками под глазами, но живое.

Он проверил лезвие ногтем, потом увидел красную каплю на фартуке. Я ждала вопроса о порезе. Дамир поднял глаза и чуть усмехнулся. — Завтра будешь мыть полы зубной щёткой, Соколова. Весь зал ресторана. Найдут хоть одну крошку — уволена окончательно. Я оглянулась на большие окна зала. Значит, день с ножом ему показался слишком лёгким.

Он развернулся и вышел, оставив меня в тишине, нарушаемой только каплями воды из крана.

Глава 3

Следующую ночь я начала с дальних столов. Под ними пол выглядел чистым, пока я не опустилась на колени. В швах сидели тёмные полосы жира; щётка размазывала их, а не вычищала. Пришлось возвращаться за водой каждые несколько метров. Я рассчитала, сколько осталось до окна, ошиблась, пересчитала. Спина уже не разгибалась сразу. Когда соседняя дверь скрипнула, я сперва обрадовалась: кто-нибудь принёс нормальную швабру.

Когда я добралась до дальнего угла, дверь кухни приоткрылась. Вошел Никита Орлов. Тихий, мягкий Никита, который всегда пах ванилью и шоколадом. Он нес в руках бутерброд с сыром и пачку пластырей. — Лера? — позвал он шепотом.

Я подняла голову. Волосы слиплись от пота, лицо было искажено гримасой боли. — Уходи, — процедила я. — Правила запрещают контакты. Дамир узнает — он убьёт нас обоих.

Никита замер, потом положил бутерброд на чистую тарелку у кассы и отступил назад, к двери. Но пластырь бросил ко мне. — Просто возьми. Пальцы кровоточат.

Бутерброд лежал на чистой тарелке у кассы. Я смотрела на него и сглотнула так громко, что он услышал. Пластырь уже был у моего колена. Оба делали вид, будто важен только порез, хотя я сейчас могла проглотить и тарелку. Взяла пластырь, вымыла руки. Никита разглядывал потолок, пока я ела. — Ненавижу его, — сказала я ему вслед. — Уже ловлю себя на том, что оправдываю. Щётка вместо швабры — ведь не про чистоту, Никит.

Никита закрыл дверь. Тишина вернулась, став звенящей.

Утро началось с звука падающей монеты. Звук. Монета покатилась по идеально чистому полу зала. Дамир стоял посреди помещения, руки за спиной, фартук завязан узлом, который выглядел как удавка. — Подними, — приказал он. — Руками. Без тряпки.

Пол был влажным после ночной мойки. Холодная вода обжигала кожу. Я опустилась на колени. Вода проникла в штаны, пробирая до костей. Я нашарила монету. Она была липкой от остатков химии. Я встала, медленно, чувствуя, как поясница протестует против движения.

Он не протягивал руку за монетой. Ждал, пока я сама приду и отдам. Я разогнула спину, постояла, пережидая боль, потом нашла на выдаче пустое блюдо. Положила туда монету, чтобы он услышал звон. — Вы видите всё, шеф. Даже то, что прячете. Теперь я смотрела на его руки: что сделает?

Он взял монету двумя пальцами и убрал в карман. Я всё ещё ждала замечания за блюдо или за тон. Он прошёл мимо. Только когда дверь кухни закрылась, позволила себе присесть на край стула. С пола больше ничего поднимать не требовалось.

К вечеру поясница отпускала, если не нагибаться. Коробки со специями я несла у самого живота. У приоткрытой двери кабинета пришлось задержаться, чтобы перехватить их удобнее. В этот момент услышала: «Шафран». Дамир разговаривал по телефону. — Нет, никаких проблем партий. Реакция на запах непредсказуема. Мне нужна нейтральность. Так он при мне ещё не говорил. Даже «нейтральность» прозвучала просьбой, а не требованием.

Шаг назад. Я споткнулась о порог и уронила коробку. Сердце заколотилось в горле. — Кто там? — резко спросил Дамир. Я замерла в тени, прижимаясь к стене. — Никого, шеф. Просто ветер, — крикнул один из рабочих снаружи. Тишина повисла. Я запомнила слово. «Шафран». Запретный плод. Слабое место короля.

Через минуту он позвал меня внутрь. Кабинет Дамира был стерильным. Белый стол, чёрный компьютер, ни одной лишней вещи. Он сидел в кресле, откинувшись назад, и смотрел на меня так, словно оценивал товар на рынке. — Ты слышала разговор? — спросил он. Не вопрос. Констатация факта. Я молчала. Отрицание было бы оскорблением его интеллекта. — Тогда ты знаешь правила игры, — он встал, подходя ближе. Запах его парфюма смешался с запахом стали и кофе. — Предлагаю сделку. Он положил на стол ключи от личной кухни. — Готовь для

меня лично. Вне расписания. Ночью. Если блюдо не понравится — увольнение немедленно. Без суда и следствия. Если понравится... — он усмехнулся, — ...твоя стипендия будет восстановлена досрочно.

Мне хотелось взять ключи сразу, пока он не передумал. Вместо этого я спросила, где лежат продукты и кто закрывает кухню после смены. Дамир ответил коротко. Ни слова о щётке. Я положила ключи в ладонь и попробовала их вес: два обычных ключа, пластиковый брелок. Вот так выглядит возможность вернуть себе стипендию. — Согласна, — сказала я. Он снял фартук. На старых фотографиях первого ресторана был такой же, с вышитыми инициалами. — Надень. И не смей пахнуть страхом. Пахни чесноком. Мне нравится чеснок.

Я взяла ткань. Он только что снял его; плотная ткань ещё хранила тепло. Надевая фартук, я почувствовала себя другой. Не рабыней. Игроком. — Хорошо, шеф, — сказала я, затягивая завязки на спине. — Но учти: зеркала иногда режут.

На «зеркала иногда режут» он отвернулся к окну. Хоть бы усмехнулся — мне бы стало легче. Подтянула завязки его фартука, убрала ключи в карман. Личная кухня означала, что завтра на меня не свалят целый зал со щёткой. Означала ли что-нибудь ещё — посмотрим завтра. Сейчас я хотела в душ и спать.

Я смотрела на пластиковый нож для масла. Желтый, с зазубринами по краям, будто игрушка из «Киндер Сюрприза». Рядом лежали яблоки — Гренни Смит, твердые, как камень.

Дамир стоял у входа, так что мимо него нельзя было пронести даже нож. Я посмотрела на часы над дверью и ещё раз на пластмассовую рукоять. Вчера он дал мне ключи от личной кухни. Сегодня решил проверить, смогу ли я сделать на ней хоть что-нибудь без своего набора. Хочется предложить ему сначала почистить яблоко самому.

— Тарт Татен, Лера, — произнес он тихо, но так, что каждый шепот эхом ударился о кафель. — К ужину VIP-гостей. У тебя час. Инструменты отобраны. Если блюдо будет неидеальным, ты вылетаешь из школы навсегда. Без стипендии. Без права на апелляцию.

Татен я делала дома в сковороде со сломанной ручкой. Яблоки тогда резала нормальным ножом, и даже с ним не всегда укладывалась в час. Попробовала продавить кожуру зубчатым краем. Нож согнулся. Могу сделать крупные дольки, но карамель ждать не станет, а Дамиру нужны одинаковые. Он смотрит, пока я пробую второй раз.

— Принято, шеф, — ответила я. Голос дрогнул, но я заставила его звучать ровно.

Гости входили в зал. Двери закрылись за ними с тяжелым щелчком. Я осталась одна среди пара и запаха горелого сахара, который уже начал въедаться в мои ноздри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.